

11	0217	ВИКТОР СОСНОРА	«Музу мою спаси»	Часть 1 «Последний лес»
12	0217-2	ВИКТОР СОСНОРА	«Музу мою спаси»	Часть 2 «Разбитая лира»

«Музу мою спаси» (Коренбит – Соснора)

Часть 2 «Разбитая лира»

1(23). Листья	– 1.45
2(24). Нет дорог	– 1.54
3(25). Ответ - Октябрь	– 1.03
4(26). В кровавых лампах	– 1.40
5(27). Амазонка	– 2.21
6(28). Начало ночи	– 1.40
7(29). По ком – колокола?	– 2.21
8(30). Где я живу	– 1.40
9(31). Циклопы	– 1.16
10(32). Прокрустово ложе	– 1.45
11(33). У самого-то...	– 1.05
12(34). И везут меня	– 2.33
13(35). Ночь сибирская	– 1.41
14(36). За полярным кругом	– 1.54
15(37). Волки	– 1.31
16(38). На цепи птица	– 1.44
17(39). Мой жребий	– 1.17
18(40). Мефистофель	– 1.00
19(41). Музу мою спаси	– 2.14
20(42). Мой ангел	– 2.09
21(43). Разбитая лира	– 3.17
22(44). Я готов	– 1.37

Общее время звучания – 39.27

Общее время звучания – 88.57

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 «Разбитая лира»

1. ЛИСТЬЯ

Серебряный листик на красной стене,
о, август-летатель на красном огне!

О, воздух деревьев и дождь-водопой!
Деревьям не жаль расставаться с листвой.

Не жаль им сейчас и не жаль в сентябре,
пусть все золотые, один — в серебре.

И листьям не жаль, потому что удел.
Шумели все вместе, один — улетел.

Шел воздух, и дождик тела заливал.
И кто-то очнулся, и кто-то завял...

Я видел. Виденьем своим дорожил:
был красный этаж и листок серебра...

Для стихотворенья один не дожил

пол-августа и два-три дня сентября.

2. НЕТ ДОРОГ

Выхожу один я. Нет дороги.
Там — туман. Бессмертье не блестит.
Ночь, как ночь, — пустыня. Бред без Бога.
Ничего не чудится — без Ты.

Повторяю — ни в помине блеска.
Больно? Да. Но трудно ль? — Утром труд.
В небесах лишь пушкинские бесы.
Ничего мне нет — без Ты, без тут.

Жду — не жду — кому какое дело?
Жив — не жив — лишь совам хохотать.
(Эта птичка эхом пролетела.)
Ничего! — без Ты — без тут. Хоть так.

Нет утрат. Все проще — не могли мы
ни забыться, ни уснуть. Был — Бог!
Выхожу один я. До могилы
не дойти — темно и нет дорог.

3. ОКТЯБРЬ

Когда асфальт расставит розы
в белых снегах,
я выхожу на улицы мороза
с никем, с никак.

Я выхожу и вижу: девы в масках, —
фигурки тех,
египетских. Но пресный привкус мяса
в очах у дев.

Увлажнены у юношей все уши, —
в звездах орда!
Тверды театры. В перепонках лужи.
Ответ — октябрь.

И только сердце так висит, шатаясь,
как на суке.
В куда, вокруг за тридевять шагаю
с никак, с никем?

4. В КРОВАВЫХ ЛАМПАХ

В кровавых лампах оплывших окон — фигуры девок!
тела на лапах в лохмотьях елок, — о, жизни древо!

В очках все очи, сосцы — под лифчик, пупки под пряжки,
под животами пониже — листик, а дальше ляжки,

зады мы любим, они — как солнца! — а возле, возле
младые люди, и все в кальсонах, и все в волосьях,

и очень сзади, и очень спереди хвостаты:
чуть-чуть де Сады, страдальцы спермы, чуть-чуть кастраты,

им — катапульты, электро-списки, дела! девизы!
графин капусты, конфетку спирта, каркас девицы,

есть гастрономо-и-астрономио-бутылки,
есть труд и Тартар, а остальное — блюдет будильник.

В оплывших окнах — дыханье Духа! — муляж к муляжу:
и око в око и ухо в ухо и ляжка в ляжку!

Так неужели всегда так будет: бессонниц купол,
теней ущелье — театр Кабуки, кривлянье кукол?

А там — как пели? В стаканах стенки цвели кристаллы.
Крутил Коперник по небу стрелки, шумел костями.

А там — в сортирах не брезжил, таял звонок в брезенте.
Луна светилась, как золотая башка бессмертья!

Так неужели ты так и тонешь в огне огромном,
душа моя — слепой детеныш, бред эмбриона?

5. АМАЗОНКА

Не любила меня
без льгот.
Обеляла себя,
как боль.
Не любила меня
легко, —
объявляла мне бой!

Амазонка, мой меч —
дарю!
Все вам, хищница,
хохотать.
Время близится
к декабрю, —
ухожу в холода!

Мир в морозах чудес.
Прошу
все отлучки моим
словам.
Возвращенье же — не по плечу
даже, девушка, вам!

6. НАЧАЛО НОЧИ

Над Ладогой пылала мгла,
и, следовательно — алела.
Зима наглела, как могла:

ей вся вселенная — арена.

И избы иней оросил.
(Их охраняли кобелями.)
И ворон, воин-сарацин,
чернел, налево ковыляя.

И кроме — не было ворон.
С ним некому — в соревнованье.
Настольной лампочки лимон
зелено-бел. Он созревает.

И скрылся ворон... На шабаш
шагала ночь в глубоком гриме.
Искрился только карандаш,
не целиком, а только грифель.

7. ПО КОМ – КОЛОКОЛА?

Ой в феврале
тризна транспорта, фары аллея.

В Летнем саду
снег у статуй чуть-чуть зализал срамоту.

Дебри добра:
в шоколадных усах у школ детвора.

Толпы Цирцей
сочетаются кольцами в бракодворце.

Девушки форм
любят в будках под буквами «телефон».

Как эхолот
шевелиющий усами эпох полицейский-илот.

Солнце-Дамокл.
Альпинистские стекла домов.

Мерзкий мороз
моросит над гробницей метро.

Тумбы аллея
в красно-белых тельняшках — опять юбилей.

Бей, сердце, бей
в барабан безвоздушный скорбей.

Плачь, сердце, плачь,
всех смятений сумятицу переиначь.

Пой, сердце, пой!
Ты на троне тюрьмы. Бог — с тобой.

Ой в феврале
вопли воронов, колокола кораблей.

Худо дела:
чью там душу клюют, по ком — колокола?

8. ГДЕ Я ЖИВУ

Где у Невы гранит, конь у криницы?..
Не хороните меня, не хороните!

Отпировал, отвоевал, кровушки отпил,
отворовал, вот голова! — что ж я не отдал?

В зелье желудков нас, воров, чем не вязали?
Взяли жену, взяли живот, — что ж вы не взяли?

С кем-то, о чем-то, как-то, когда-то... но рябина!
Но не любил, но не любил, но не любил я!

Брате и сестро все и у вод, лишь — семью семь я!
Вырвал бы сердце вам, да вот — не было сердца!

Не хороните же меня, стужа стерляжья,
ведь не хоронят же коня, — в ухо стреляют!

В ухо! навывлет! но не заушничают не лепо.
Но я забыл, где я живу. Родина, Нево!

9. ЦИКЛОПЫ

На съезде циклопов цикл прений возрос
в связи с окончаньем доклада,
в котором оратор затронул вопрос:
зачем человеку два глаза?

Затронут вопрос. Досконален доклад.
Ответственность перед роком.
Итак, революция: выколоть глаз,
поскольку он понят, как роскошь.

В дальнейшем, донельзя продумав доклад,
заколебались циклопы:
не лучше ли тот злополучный глаз
не выколоть, а — захлопнуть?

На сто сорок третьем стакане воды
съезд выдал вывод командный:
не объединить ли два глаза в один?
Компактнее будет. Гуманней.

Зачем человечество лечится, ест,
эстетствует, строит, зевает?
О том, что идет циклопический съезд,

зачем не подозревает?

10. ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ

Был корпус у ложа старинный,
над ложем пылала олива.
О, мягко то ложе стелили
богини и боги Олимпа.

Шипучие, пышные ткани
лежали у ложа тюками.
Эй, путник! Усталый бродяжка!
Шагами сонливыми льешься.
Продрог ты и проголодался.
Приляг на приятное ложе.

Эй, путник! Слышал о Прокрусте?
Орудует он по округе.
Он, путник, тебя не пропустит.
Он длинные ноги обрубит.

Короткие ноги дотянет
(хоть ахи исторгни, хоть охи)
до кончика ложа. Детально
продуман владыками отдых.

Мы, эллины, бравшие бури,
бросавшие вызов затмениям,
мы все одинаковы будем,
все — метр, шестьдесят сантиметров.

Рост средний. Вес средний. Мозг средний.
И средние точки зренья.
И средние дни пожинаем.
И средней подвержены боли.
Положено, так пожелали
эгидодержавные боги.

11. У САМОГО-ТО...

Погасли небесные нимбы.
Нам ангелы гневные снились.

Там трубы трубили: «Священная месть!
Восстанем на вся! Велите!»
Метался во тьме Тамерланов меч...
Мой ангел... воитель!

Прочь слезы и страхи! К мечу и кресту!
Мы, ищущие, обрящем!
Вашу вселенскую красоту
Кровью окрасим!

Бой небу! Господи, благослови!
Месть — смерти! Святись, свобода!..

А у самого — крылья в крови,
у самого-то...

12. И ВЕЗУТ МЕНЯ

Ось таланта чуть качнется — кони в крик!
Ничего не остается, кроме книг.
Чу, как ноги, ось тележная в краю,
где Макар теляет к ракам с харей хрю.
Свят я, связанный, как ножичек, лежу,
ты круть-верть мое колесико, луну!
На суке а с кем, разбойничек, дружил,
до чего ж ты, разговорничек, дошел,
звон березыньки кудрявой со слезой,
конь мой чистый и кричащий — соловей!..
Едем-едем ети метем, я и конь,
все туда же и не тужим, что на казнь,
ой уж в полюшке я пожил да уж да,
казнь ты дохлая, казенная душа.
Я б тебя забросил под ноги коню,
как винтовку, как иглу, как девку ню,
я бы ножичек на ноженьки с войной,
конь мой светлый и со свистом — соловей!..
Окна желты, цвет и верхний желтоват,
в окнах лампочки да лавочки живут,
но, как на смех, два гвоздя в одной ноге,
кто ямщик, а кто щемящий, весь я тут,
в животе свинчатка, и ни зги нигде,
и везут меня, везут-везут-везут...

13. НОЧЬ СИБИРСКАЯ

О, ночь сибирская, — сирень!
Мое окно стеклянной бронзы.
Как статуэтки сигарет,
стоят безумные березы.

Безумные стволы из меди,
из белой меди арматуры.
В ночи безжизненно цементен
архипелаг архитектуры.

Огромный город! Без обид!
С большой судьбой! С большой субботой!
Здесь каждый пятый был убит
пять лет назад самим собою.

Убит мгновенно, не мигая!
Убит — и выварен в мартене!
А семьи были моногамны.
А гнезда грозные — модерны.

О, слушай, слушай, как маразм
приподнимает хвост кометный.
Как ночь мучительна, мала,

как волчья ягодка, химерна.

14. ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

За Полярным кругом, за Полярным
кустики изогнуты, как скрепки.
Может быть, Сиянье запыляет?
Нет. Не запыляет. Знаю крепко.

Горизонт газетами оклеен.
Говорят, здесь в самом лучшем виде,
как дельфины, прыгают олени!
Что ж. Охотно верю. Но не видел.

Пьяницы — наземные пилоты —
в высшем пилотаже по субботам:
тот в петле, а этот подбородок
у жены выламывает бодро.

Диво — север! Оближите, ваньки-
встаньки, ваши важные машины!
Развевайся, знамя — рваный ватник
Развивайтесь, знанья матерщины!

За Полярным кругом крик собак.
Подвиг трудовой опять струится.
И твоя судьба, моя судьба
замкнута, как этот круг, Строитель.

15. ВОЛКИ

Охотничьим чутьем влекомы,
не опасайтесь опоздать:
еще не скованы оковы,
чтоб нашу ярость обуздать.

Не сконструированы ямы,
капканы жадности и лжи.
Ясна, как небо, наша ярость
на ярмарке под кличкой «жизнь».

Псы — ваши! Псов — и унижайте!
Псам — ваши задницы лизать!
Вы псами нас? — Уничтожайте!
Но мы — владыки во лесах!

Законы злобы — ваши! Ладно!
Вам — наплевать? Нам — наплевать!
Но только... ранить нас не надо.
Стреляй! Но целься — наповал!

Не бей наполовину волка —
уйдет до сумерек стеречь —
и — зуб за зуб! За око око!
И — кровь за кровь! И — смерть за смерть!

16. НА ЦЕПИ ПТИЦА

Ходит и ходит
на цепи птица
с костяным клювом.

И стучит клювом
по стальным стеклам
моего неба.

Кто ты есть, птица?
Ты — судьба стаи?
Ты — ничья клятва?

Ты — мои мысли?
Ты — мои крылья?
Ты — мои цепи?

Клавиши света.
Мрамор кладбища.
Вопли ведьм пьяных.

Странности страсти
каменных комнат, —
о, объятья!

Лают псы в псарнях,
родились люди
для работ рабства.

Вот ушли луны,
унесли звезды, —
царствует солнце!

В небесах — нимбы!
Написать мне бы
сто страниц солнца.

17. МОЙ ЖРЕБИЙ

О, призывайте,
призы давайте,
о. признавайте,
не признавайте.

Ведь не во мне же,
мой жребий брошен,
мне нужно меньше,
чем птице прошлой.

И в ваши ночи,
и в ваши нови
из всех виновных
я всех виновней.

Какие цели?
 За чью свободу?
 Лишь ложь и цепи
 нужны народу.

Какие судьбы
 я развиваю?
 Святые струны
 я — разрываю!

Судьбе коварства,
 суду без Бога
 и веку Вакха
 отмстим безмолвьем.

18. МЕФИСТОФЕЛЬ

Я веселый Мефистофель,
 я лишь миф, а мафий столько!
 Все в отчаянье — ой, мама! —
 в мире мифов или мафий.

В нашей солнечной геенне
 кто проспался, тот и гений, —
 то ли фавны, то ли готты,
 то ли Фауст, то ли Гете?

Там дворец или мансарда?
 Вы принцесса или самка?
 Кто красавец, кто уродец?
 Успокойтесь, все умрете.

Пой, поэт, пора проститься,
 ждет экскурсия по Стиксу...
 Я вас славлю словесами,
 остальное — славьте сами.

19. МУЗУ МОЮ СПАСИ

Вот мы вдвоем с тобой, Муза,
 мы — вдовы.
 Вдовы наш хлеб, любовь, бытие,
 бьют склянки!
 В дождик музык, вин, пуль,
 слов славы
 мы босиком! — вот! — вам! —
 бег к Богу.

Музу мою спаси, Дионис,
 дочь Мидаса,
 ты отними у нас навек
 звук арфы,
 он обращает ноты надежд
 в звук злата,

это богатство отдай богачам, —
пусть пляшет!

Был на скатерти хлеб зерна, —
в золото — мякиш!
Я целовал ЕЕ лицо, —
вот вам — маска!
Жизнь зажигала звезды, — о нет! —
хлад металла!
Вы восклицали: богат, как Бог! —
Нищ. Голод.

Что мне фрукт Гесперид! Как прост
хлеб соли!
Грешницы где же? — Тепло тел, —
не статуй.
Дай не «аминь» во веки веков, —
пульс часа,
крови кровинку, воздуха вздох,
труд утра!

20. МОЙ АНГЕЛ

Мой ангел уснул (зачем прилетел?).
Он спал. Он хорошего только хотел.
Он с крыльями спал и лирой.
А лира была лишней.

Он завтра проснется: «Простор, прояснись!
Небесными мастерами
спускается солнце!» Солнце...
Проснись, мой ангел, мой марсианин.

Здесь в каменных комнатах (о, улетай!)
с любовью (тяжелая тема!)
лежало у полумужского лица
лицо полуженского тела.

Уснули кварталы (такая тюрьма!).
На улицах лишь пустота или тьма.
И что ни окошко — флюгер.
И фонари — что фрукты.

Своя современность. И не мечтай.
Она — одна — современность.
Проснись, улыбнись и улетай,
и улетай — все время!

21. РАЗБИТАЯ ЛИРА

На светлых стеклах февраля
блеск солнца замерзал.
У фонаря, у фонаря
мой ангел замерзал.

О, ни двора и ни кола!
Он в небесах устал.
Совсем сломались два крыла,
и он уже упал.

Во всей вселенной был бедлам.
Работали рабы.
Лишь лира лишняя была,
и он ее разбил.

А мог бы получить полет
в прекрасных небесах.
Сначала он разбил ее,
потом разбился сам.

Рассвет фигуры февраля
в пространство удалял.
У фонаря, у фонаря
мой ангел умирал.

Лишь бог божился: «Надо жить!»
(Он, публика, умна!)
О, ни дыханья, ни души
на улицах у нас.

И бог страниц не написал
ни о добре, ни зле,
ни ненависти к небесам
и ни любви к земле.

Оттаивали огоньки
по спальням для спанья.
В теснинах страха и тоски
все спали. Спал и я.

Какой-то ангел (всем на смех!)
у фонаря сгорел.
Я спал, как все. Как все, во сне
я смерть — свою — смотрел.

22. Я ГОТОВ

Месяц март на дворе, месяц март.
Он, как все, не велик и не мал.

Может быть, на снегу снегири
где-то... где?.. А на улицах псы.
Через месяц и мне тридцать три.
Не прощай ничего, но прости,
что принес эту смерть, этот крест
на Голгофу твою. Боже мой,
не спасай меня, — надоест.
Я ведь хуже, если живой.

Если тост — за Иуду тост!
Он легенду лишь дополнял.
Что Варрава и что Христос —
одинаково для меня.

Дух, деянья — лишь сказки каст,
мне — лишь мир, лишь его возьму.
Одинаково — жизнь или казнь,
мир — он милостив ко всему.

Мир — он милостив и ко мне.
Освистите — не освищу.
Не кидайте в меня камней.
Я и сам себе не отпущу
ни греха. Опустите крест
громогласных своих Голгоф.
Мечь — за смерть! Если это мечь, —
мстите. Господи. Я готов.